

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

* * *

В тех краях покуда меньше люда,
Чем зелёных крон под небосвод.
Там чудная бакенщица Люда
Ходит по земле тридцатый год.

Впрочем, больше всё сидит на лавке
Со своею матерью глухой,
И лежит у ног её на травке
Шелуха от семечек с трухой.

Как дитя — хотя сажень в объёме,
Не обнять вдвоём, как говорят;
Если улыбнётся, то некстати,
Если слово скажет — невпопад.

Вся в делах — собрать метеосводку,
Передать на станцию, потом
Кошек покормить, а после в лодку
Сесть ожившей статуей с веслом,

Чтобы шептуню, как наседку,
За Ветлугу увезти в леса

КУКЛИНА Эльвира Юрьевна родилась в Нижнем Новгороде в 1966 году. Окончила филологический факультет Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Много лет работала в школе преподавателем русского языка и литературы. В настоящее время — методист Центральной библиотечной системы г. Нижний Новгород.

Злую матершинницу соседку,
Что костит при людях полчаса.

Ну, а к ночи, лишь уснёт округа,
Сбросить старомодное тряпье,
Чтобы облекла река Ветлуга
В тёплое течение своё.

Знаешь, Люда, в сущности не худо,
Что сломался где-то теплоход:
Увезём мы в памяти отсюда
Доброту ветлужских рыжих вод.

Да и фотографий с четверть пуда —
Тоже результат, как ни крути.
Мы к тебе ещё вернёмся, Люда, —
Пристань наша тихая в пути.

* * *

Глядит с креста усталый мученик
Из полутёмного угла —
Сама царевна белых рученок
От злой иглы не берегла.
Все мастерицы с юга-севера
Под оком ревностным её
Четыре года злато-серебро
Вплетали в тонкое шитьё.

Но для того ль, чтоб судьи строгие
Скривили рот у полотна?
— Да, примитивна технология,
Не то, что в наши времена.
— А что с них спросишь — глушь, религия.
Небось, замаливала грех
Царевна-то... А нам — реликвия.
И шепотком — ехидный смех.

Не на шитьё глядят — на золото:
Мол, сколько весу — вот вопрос.
Не спросят, сколько рук исколото,
И поту пролито, и слёз.
На что Россия христианская
Дохнуть не смела, — лепота! —
Взирает братия мещанская,
Как тот баран на ворота!

А я молчу. Простите, прадеды,
Что их прервать не тороплюсь.
Не на Христа — на труд ваш праведный
Я, некрещёная, молюсь.

* * *

Натяну штормовку на коленки
И на полку — может быть, вздремну.
Только лишь по ней, узкоколейке,
Доберёшься в эту сторону.

По лесам, нетронутым и мгlistым,
Едем мы на северо-восток,
Всё зверьё распугивая свистом —
Машинист не выключил свисток.

Проводник в тяжёлой телогрейке
Кроет расшумевшийся народ,
Но, как будто царь узкоколейки,
Со старухи денег не берёт.

Ты беги, беги, узкоколейка,
И в своём вагончике простом
Ты меня, родная, отогрей-ка
За ночёвки во поле пустом.

За леса, где вымокну до нитки,
Где пройдёшь и ныне лишь пешком.
Не доходят рельсы до калитки,
Где сидит старуха с подожком...

* * *

В круговерти многолюдных улиц
Им однажды встретиться пришлось.
Двое, как горошины, столкнулись
И скорее покатались врозь.

Но об этом знают только ёлки
Да следы колёсные в пыли,
Как они однажды на просёлке
Встретились и рядышком пошли.

И присели на еловый комель,
И шутили: “Над же — светло”.
Как натужно город нас знакомил,
Как легко сосватало село...

НА МОГИЛЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Как не по-северному яростно
Мой факел — маковый букет,
Мой незатейливый подарок,
Что опоздал на столько лет.

Не в гуле праздничном эстрады
Он будет мной преподнесён,
Здесь невысокие ограды
Погружены в глубокий сон.

Здесь только чёрные вороны,
Чей кстати траурный наряд,
Как будто важные персоны
Между собою говорят.

Им всё равно, что чей-то начат,
А чей-то кончен краткий путь.
Букет... Ну, что теперь он значит?!
А впрочем, значит что-нибудь.

* * *

Люблю читать старинные тома,
Что прадедом моим любимы были.
Поверьте мне, я просто без ума
От аромата славной книжной пыли.

И для меня увидеть букву “ять”,
Когда листаю книгу в час досуга,
Приятно, как приятно повстречать
Давным-давно не виденного друга.

Сегодня Пушкин в коленкор одет,
И золотом оттиснуто название,
Но так ли близок будет к нам поэт,
Как в том, ещё прижизненном издании?

Бумаги глянец, шрифта красота —
Всё по новейшей сделано науке;
И всё же мне дороже книга та,
Что Пушкину попасть могла бы в руки.